

Владимир Гиляровский

**Мои скитания. Повесть
бродяжной жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г47

Г47 **Гиляровский В.**
Мои скитания. Повесть бродяжной жизни / Владимир Гиляровский – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 172 с.

ISBN 978-5-458-03568-2

Владимир Алексеевич Гиляровский – явление в истории русской культуры уникальное. Его жизнь была так богата событиями и приключениями, а личность так привлекательна, что еще при жизни он стал фигурой легендарной. Один из самых знаменитых репортеров своего времени, талантливый беллетрист, поэт, он оставил и удивительные книги воспоминаний, давно ставшие классикой мемуарного жанра.

В «Мои скитания» – а эту книгу Гиляровский называл «самой любимой», с необыкновенной живостью и непосредственностью описаны молодые годы будущего писателя, успевшего побывать к тридцати годам и бурлаком, и крючником, и рабочим, и табунщиком, и актером, и солдатом, и репортером.

ISBN 978-5-458-03568-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Гиляровский В А
Мои скитания (Повесть
бродяжной жизни)

Вл. Гиляровский
МОИ СКИТАНИЯ
ПОВЕСТЬ БРОДЯЖНОЙ ЖИЗНИ
СОДЕРЖАНИЕ

В. Г у р а. Жизнь и книги "дяди Гиляя"

Глава первая. Детство

Глава вторая. В народ

Глава третья. В полку

Глава четвертая. Зимоторы

Глава пятая. Обреченные

Глава шестая. Тюрьма и воля

Глава седьмая. Театр

Глава восьмая. Турецкая война

Глава девятая. Актерство

Глава десятая. В Москве

Глава одиннадцатая. Репортерство

Глава двенадцатая. С Бурлаком на Волге
жизнь и книги "дяди гиляя"

Многочисленные друзья и приятели В. А. Гиляровского называли его шутя, а потом и всерьез, но всегда тепло и любовно - дядя Гиляй (одно время он подписывался "В. Гиля-й"), А. П. Чехов так и писал ему: "Милый дядя Гиляй!"

Милый дядя Гиляй!.. В этих чеховских словах выражена сердечная любовь современников к человеку большой русской души, неукротимой энергии, бесшабашной отваги и удали, как бы олицетворявшего собой неисчерпаемую талантливость русского народа, широту и цельность его натуры.

Общительный и веселый, щедрый и добрый, всегда полный необыкновенного любопытства к жизни и бурный в проявлении своих чувств, он и внешне был необычайно яркой фигурой, натурой широкого склада - богатырское сложение, крупные черты лица, большие умные пронизательные глаза, седые пышные усы запорожца. Знать билась в нем кровь дальних его предков, запорожских казаков! Недаром же Репин писал с Гиляровского одного из своих запорожцев, а Андреев лепил с него фигуру Тараса Бульбы для памятника Гоголю в Москве.

Гиляровский обладал огромной физической силой, сгибал пальцами большие медные пятаки, шутя ломал серебряные рубли, разгибал подковы, легко мог завязать узлом железную кочергу. Это был человек неистощимый в своих мальчишеских проказах, выдумках и шутках. Его биография полна удивительных приключений. Он никогда не терялся и не сгибался ни перед какими ударами жизни. Она закалила его и воспитала как человека необычайно разностороннего и исключительно трудолюбивого.

Кем только не был Гиляровский - волжским бурлаком, крючником, цирковым наездником, борцом, табунщиком, актером, знатоком конского спорта и пожарного дела, знаменитым газетчиком, "королем репортеров". Он гордился значком "почетного пожарника", за храбрость в войне с турками имел солдатского Георгия, за участие в олимпийских играх - большую золотую медаль.

Гиляровский, по словам его друга писателя Н. Телешова, в одно и то же время охотно дружил "с художниками, знаменитыми и начинающими, писателями и актерами, пожарными, беговыми наездниками, жокеями и клоунами из

цирка, европейскими знаменитостями и пропойцами Хитрова рынка, "бывшими людьми". У него не было просто "знакомых", у него были только "приятели". Всегда и со всеми он был на "ты".

Не зная усталости, он вечно куда-нибудь спешил, на ходу расточая экспромты, остроумные шутки, тут же весело похлопывал по серебряной табакерке, с которой никогда не расставался, предлагая "всем окружающим, знакомым и незнакомым, понюхать какого-то особенного табаку в небывалой смеси, известной только

ему одному".

Большое человеческое обаяние Гиляровского привлекало к нему лучших людей того времени. Двери его дома всегда были гостеприимно открыты для друзей, для писателей и художников, артистов и журналистов, знаменитых и только вступающих в жизнь. Заходили сюда Л. Толстой и М. Горький, бывали Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк, Репин и Левитан, Куприн и Бунин, Шаляпин и Собинов, Брюсов и Леонид Андреев, Маяковский и Есенин, Демьян Бедный и Алексей Толстой. Обогреться и накормить приводил сюда хозяин знаменитого Саврасова в последние годы его жизни; с просьбой оказать протекцию, смущаясь, заглядывал молодой Качалов. В уютной столовой Гиляровских, где происходили встречи выдающихся людей своего времени, и сейчас еще висит большая портрет великого Л. Толстого с дарственной надписью: "Владимиру Алексеевичу Гиляровскому. Лев Толстой. 17 дек. 1899 г."

"Есть люди, - пишет К. Паустовский, - без которых не может существовать литература, хотя они сами пишут немного, а то и совсем не пишут. Это люди своего рода бродильные дрожжи, искристый винный сок. Неважно - много ли они или мало написали. Важно, что они жили и вокруг них кипела литературная жизнь своего времени, а вся современная им история, вся жизнь страны преломлялась в их деятельности. Важно то, что они определяли собой свое время.

Таким был Владимир Алексеевич Гиляровский - поэт, писатель, знаток России и Москвы, человек большого сердца - чистейший образец талантливости нашего народа".

Трудно представить литературу конца 19 и начала 20 века без Гиляровского, нет почти ни одной книги воспоминаний о литературной жизни этих лет, в которой имя "дяди Гиляя" не было бы упомянуто с любовью. Он был душою многих собраний и встреч. Сам полный сил и горения, он и других заставлял гореть, увлекаться тем, что увлекало его. "С тобой и умирать некогда", - говорил ему Чехов. Даже старика Толстого удавалось ему вытаскивать в общество, возить зимой на репетиции чеховского "Медведя".

Гиляровский находил время рассказывать Глебу Успенскому о бродяжной жизни, вдохновенно читать Горькому своего "Разина", водить Станиславского и Немировича-Данченко по притонам Хитрова рынка, знакомить Чехова с провинциальными актерами, возить его за город к крестьянину Никите, прототипу "Злоумышленника", поддержать начинающего Валерия Брюсова, увлечь атлетикой Куприна.

И писатели отвечали ему взаимной привязанностью, радовались его успехам в литературе, искали с ним встреч. "Вчера я был у Гиляя, - пишет Чехов, - и отнял у него очень маленький рассказ, который он готовил не то в "Развлечение", не то в "Будильник". Рассказ совсем осколочный. Удался и формой и содержанием, так

что трудно было удержаться, чтобы не схватить его".

"...Ах, дорогой дядя Гиляй, - записывает А. Куприн, - крестный мой отец в литературе и атлетике, скорее я вообразу себе Москву без царя-колокола и царя-пушки, чем без тебя".

Как писатель, Гиляровский стал известен изображением жизни "трущобных людей", босяков и нищих, быта московского "дна", большим знатоком которого он был. Московская беднота любила Гиляровского за смелость и великодушие, за то, что он понимал их горе и не раз защищал простых людей, выброшенных бесправием за борт жизни.

Гиляровский дорог литературе как яркий бытописатель старой Москвы, одинаково хорошо знавший жизнь дворцов и трущоб древней русской столицы, ее быт и людей.

"В своих книгах, - писала о Гиляровском "Правда", - он вскрывал пороки капиталистического строя и с любовью, с большим знанием жизни писал о простых людях".

Владимир Алексеевич Гиляровский родился 26 ноября (8 декабря) 1853 года в глухом лесном хуторе за Кубенским озером, в сямских лесах Вологодской губернии. "... Часть детства своего, - рассказывает писатель, - провел в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым - медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся. В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота. А за этими болотами скиты раскольничьи, куда доступ был только зимой, по тайным нарубкам на деревьях, которые чужому и не приметить, а летом на шестах пробираться приходилось... Разбросаны эти скиты были за болотами на высоких местах, красной сосной поросших".

В этой лесной глуши и прошло раннее детство будущего писателя. Отец его, Алексей Иванович, сам белозер, служил тогда помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева. Управлял имением казак Петр Иванович Усатый, сын запорожца, бежавшего на Кубань после разгрома Сечи, участник кавказских походов, человек недюжинной физической силы. На его шестнадцатилетней дочери, Надежде Петровне, и женился отец Гиляровского.

Дух казачьей вольности жил в этой семье. Вольнолюбивые песни, запрещенные стихи Рылеева, тетрадь с которыми хранилась у отца еще с семинарских времен, стихи Пушкина и Лермонтова рано стали дороги и близки мальчику Гиляровскому. "Бабка и дед, - вспоминает писатель, - рассказывали о привольной и боевой казачьей жизни, а их дочь, моя мать, прекрасно пела песни чудные и читала по вечерам Пушкина, Лермонтова, а отец-запрещенные стихи Рылеева".

Когда мальчику исполнилось пять лет, дед привез с сельской ярмарки азбуку и сам начал обучать внука грамоте. Физическим воспитанием мальчика занимался давний друг отца и деда беглый матрос Китаев, бывший крепостной крестьянин с реки Юг. Он обладал сказочной силой, с ножом ходил на медведя - один на один, жонглировал бревнами, ударом ребра ладони разбивал на руках камни.

Этот беглый матрос и воспитывал в Гиляровском "удалого охотника", заставлял его лазить по деревьям, обучал гимнастике, борьбе, плаванию, верховой езде.

Семья Гиляровских жила очень дружно и скромно. Отец и дед были завзятые рыбаки и первые медвежатники на всю округу, крепко дружили с крестьянами и

пользовались всеобщим уважением. "За все время управления дедом глухим лесным имением, где даже барского дома не было, никто не был телесно наказан, - с гордостью пишет Гиляровский, - никто не был обижен, хотя кругом свистали розги, и управляющими, особенно из немцев, без очереди сдавались люди в солдаты, а то и в Сибирь ссылались... Дед был полным властелином и, воспитанный волей казачьей, не признавал крепостного права: жили по-казачьи, запросто и без чинов".

В 1860 году Алексей Иванович получил место чиновника в губернском правлении, вся семья переехала в Вологду и поселилась за рекой, на Калашной улице. На лето отправлялись в небольшое имение Светелки, стоявшее на берегу Тошни, в тех же глухих и непроходимых домшинских лесах. Гиляровскому минуло восемь лет, когда умерла его мать, и мальчик еще больше привязался к беглому матросу Китаеву, целыми днями пропадая с ним на охоте.

Вскоре умер дед, отец женился на Марии Ильинишне Разнатовской, и мальчик перестал бывать в родных домшинских лесах, а гостил под Вологдой, в Несвойском, и в Деревеньке, небольшой усадьбе родовитых, но уже разоряющихся дворян Разнатовских. Даже здесь не расставался он со своим воспитателем Китаевым. "Моя мачеха, - вспоминает Гиляровский, - добрая, воспитанная и ласковая, полюбила меня действительно как сына и занялась моим воспитанием, отучая меня от дикости первобытных привычек. С первых же дней посадила меня за французский учебник, кормя в это время конфетами. Я скоро осилил эту премудрость..., но "светские" манеры после моего "гувернера" Китаева долго мне не давались, хотя я уже говорил по-французски. Особенно это почувствовалось в то время, когда отец с матерью уехали года на два в город Никольск на новую службу по судебному ведомству, а я переселился в семью Разнатовских. Вот тут-то мне досталось от двух сестер матери, институток: и сел не так, и встал не так, и ешь, как мужик! Допекали меня милые тетеньки".

В августе 1865 года Гиляровский поступил в первый класс вологодской гимназии "и в первом же классе остался на второй год".

В гимназии царили те же грубые и жестокие нравы, что и в годы обучения здесь П. В. Засодимского - в ходу были линейки, подзатыльники, карцеры, применялись "по традиции" и розги. Гимназистов учили "чему-нибудь и как-нибудь", поэтому у Гиляровского о том, что он учил, и о тех, кто учил, "осталось в памяти мало хорошего". Во главе гимназии стоял брат известного поэта Василия Красова, Иван Иванович Красов, человек вялый и сонный, и в его времена гимназия страдала от засилия чопорных и важных иностранцев. Учитель французского языка Ранси был чрезвычайно бездарен: на родине он был парикмахером и вряд ли знал хорошо даже свой язык. Немец Робст, по словам Гиляровского, "производил впечатление самого тупоголового колбасника". Гимназисты, зная, что он совершенно не понимает по-русски, читали ему вместо утренней молитвы - "Чижик, чижик, где ты был", за что впоследствии многие из них, в том числе и Гиляровский, не миновали карцера.

В гимназические годы Гиляровский начал писать стихи. Первыми его опытами были злые эпиграммы, "пакости на наставников", за которые обиженные учителя тайно и зло мстили юному "стихоковыряле". "Но кроме "пакостей на наставников", - вспоминает Гиляровский, - я писал и лирику, и переводил стихи с французского, что очень одобрял учитель русского языка Прохницкий".

В Вологде Гиляровский впервые попал в театр, впервые приобщился к цирку. Тогдашние знаменитости провинциальной сцены произвели на него большое впечатление и "заставили полюбить театр". Как-то осенью на городской площади за несколько дней выросло круглое, высокое здание с загадочной манящей рекламой "Цирк араба-кабила Гуссейн Бен-Гамо". Юноша немедленно проник туда и в два года постиг "тайны циркового искусства", "стал недурным акробатом и наездником".

Вологда в то время была, по словам Гиляровского, полна политических ссыльных, которых местные обыватели называли одним словом - "нигилисты". Здесь были революционные демократы, народники, ссыльные по делу Чернышевского и по делу "Молодой России", жили здесь Н. В. Шелгунов и П. Л. Лавров, были и участники польского восстания 1863 года. На улице то и дело можно было встретить "нигилиста" в широкополой шляпе, в небрежно накинута на плечи пледе или народника в красной рубашке, в поддевке и простых сапогах.

Ссыльные бывали частыми гостями и в доме Гиляровских. Народники, неразлучные братья Васильевы, не только репетиторствовали, но и просвещали юного гимназиста, по части политики. Жили они большой колонией в маленьком флигельке у самой гимназии. Гиляровский посещал их вечеринки, слушал оживленные споры, распевал песни о Стеньке Разине. В августе, когда родные жили еще в деревне, кружок ссыльных собирался у Гиляровских, в глухом саду.

Однажды один из ссыльных принес гимназисту Гиляровскому запрещенную книгу, роман Чернышевского "Что делать?". Юноша залпом прочитал книгу, и она произвела на него сильное впечатление. Неведомый Рахметов, ходивший в бурлаки, спавший на гвоздях, чтобы закалить себя, стал мечтой смелого юноши, давно уже полюбившего свой народ. Гиляровский решил последовать примеру Никитушки Ломова и в июне 1871 года после неудачного экзамена в гимназии, без паспорта, без денег ушел из родного дома, на Волгу, в бурлаки.

Начались скитания под чужим именем, началась бродяжная жизнь...

Из Вологды в Ярославль добрался пешком. На Волге уже свирепствовала холера, безжалостно косившая волжский люд, кречичников, рабочих причалов. У пристаней дымили пароходы, буксиры деловито тянули длинные караваны барж, но не видно было старинных бурлацких расшив, куда так хотелось попасть под влиянием только что прочитанного романа. В поисках Гиляровский долго бродил по берегу, любуясь большим русским городом, живописно раскинувшимся на Волге. Какой-то старик, случайно встреченный на берегу, указал на загорелых оборванных людей, как раз выходивших из кабака. Это были чуть ли не последние на Волге бурлаки. Один из них по пути в Ярославль умер от холеры прямо в лямке, а заменить было нечем. Может быть потому так охотно приняли они Гиляровского в свою семью.

- Прямо говорить буду, деваться некуда, - хитрил он, скрывая свое прошлое, - работы никакой не знаю, служил в цирке, да пришлось уйти, и паспорт там остался.

- А на кой ляд он нам?.. Айда с нами, на заре выходим, - пригласили бурлаки. Кто-то указал на сапоги, посоветовал:

- Коньки брось, на липовую машину станем!

Сапоги пропили, купили на базаре онучи, три пары липовых лаптей, и с

рассветом Гиляровский уже тянул лямку в расшиве, шедшей на Рыбинск.

Никакие превратности судьбы не пугали его: кончилась путина, - работал крючником, лихо справляясь с девятипудовыми кулями муки; набив железные мускулы, - оказался в солдатской казарме; исключили из юнкерского училища поступил истопником в школу военных кантонистов; не имея зимой пристанища, пошел на белильный завод купца Сорокина в Ярославле, а с первыми пароходами подался в низовья Волги и очутился на рыбных промыслах; скитаясь по волжским пристаням, нанялся в Царицыне табунщиком, погнал породистых персидских жеребцов в задонские казачьи степи, арканил и объезжал лошадей на зимовниках; оказавшись в шумном Ростове, поступил наездником в цирк, разъезжал с ним по российским городам - из Ростова в Воронеж, из Воронежа в Саратов.

Проскитавшись так до 1875 года, Гиляровский в Тамбове отстал от цирка и, став совершенно случайно актером, связал с тех пор значительную часть своей жизни с театром, выступал на сценах Тамбова, Воронежа, Пензы, Рязани, Саратова.

Нелегкой была жизнь провинциального актера в то время - вечное недоедание, нужда, скитание по городам. Ютились кто прямо на сцене театра, закутавшись "в небо и море", кто на пустых ящиках или на соломе где-нибудь в подвале под домом антрепренера, кто в летнее время в садовой беседке устраивался на ночь; ели всей труппой из общей чашки, уходя в город, занимали друг у друга платье, пальто, сапоги, странствовали по Руси пешком путем, по шпалам.

Как-то однажды труппа, в которой служил Гиляровский, шла из Моршанска в Кирсанов за телегой, нанятой для актрис. Кто-то из актеров предложил старику-антрепренеру купить хотя бы картошки.

- Помилуйте-с? - удивился он. - Где же это видано, чтобы в августе месяце картошку покупали? Ночью сами в поле накопаете.

И труппа, как вспоминает Гиляровский, не торопясь, двинулась в путь "делали привалы и варили обед и ужин, пили чай, поочередно отдыхали по одному на телеге", а ночевали на земле, под телегой, на рогожах и театральных коврах.

В перерывы между сезонами Гиляровский в поисках "простора и разгула" оказывался то где-нибудь на Дону, то поднимался на Эльбрус, то снова скитался по волжским пристаням, то вновь поступал в театр и играл в Саратове в труппе А. И. Погонина, вместе с В. П. Далматовым, В. И. Давыдовым, В. Н. Андреевым-Бурлаком, а свободное время проводил среди "галаховцев", обитателей ночлежки Галахова. Летом 1877 года он добровольно вступил в солдаты, и вся труппа провожала его на Кавказ, на войну с турками. Через несколько месяцев Гиляровский был уже среди пластунов-охотников и, рискуя жизнью, как кошка, ползал по горам, пробирался в неприятельские цепи, добывая "языка".

Прослужив после отставки несколько сезонов вместе с Далматовым в Пензе, Гиляровский в 1881 году поселился в Москве, работал в театре А. Д. Бренко. К этому времени за плечами была уже богатая жизнь, знание людей, опыт. Куда бы ни бросала судьба, какие бы лишения ни испытывал Гиляровский в годы своих скитаний, он никогда не раскаивался, что покинул отцовский дом, гимназию, сонную тихую жизнь в семье. Он был искренне благодарен автору романа "Что делать?", который окунул его в жизнь, заставил узнать свой народ, разделить с ним его тяготы и потом рассказать о нем в своих книгах.

Интерес к литературе, пробудившийся у Гиляровского еще в гимназические годы, не затухал и во время скитаний. Он посылал отцу пространные письма, в которых живо рисовал бродяжную жизнь. В притонах рождались его первые стихи, исписанные ими листы серой бумаги посылались отцу, но долгое время не видели света. Отец бережно сохранял и стихотворение "Бурлаки" (1871), и очерк из жизни рабочих "Обреченные" (1874), и другие рукописи сына. Стихи переписывались политическими ссыльными и ходили по рукам. Рассказывая позже о своем прошлом, Гиляровский любил читать друзьям "Бурлаков" и удивлялся тому, что цензура изьяла их из "Забывтой тетради".

Очерк "Обреченные" Гиляровский считает самым первым своим прозаическим произведением, хотя напечатан он был по настоянию Глеба Успенского лишь в 1885 году. С влажными от волнения глазами слушал Глеб Успенский этот очерк еще до его опубликования. "Ведь это золото! - говорил он автору. - Чего ты свои репортерские заметки лупишь? Ведь ты из глубины вышел, где никто не бывал, пиши, пиши очерки жизни! Пиши, что видел... Ведь ты показал такой ад, откуда возврата нет... Приходят умирать, чтобы хозяин мошну набивал, и сознают это и умирают тут же. Этого до тебя еще никто не сказал".

В этом очерке Гиляровский без прикрас нарисовал живую картину мрачного быта, жестокой эксплуатации пролетариев. Хмуро, неприветливо выглядит белильный завод купца Копейкина, словно крепость обнесенный высоким грязным забором. Острожным холодом веет от него. С разных концов России в поисках заработка стекались сюда нищие, голодные, бездомные - "обреченные" люди. Вскоре они начинали задыхаться, кашлять. Свинцовая пыль забиралась в легкие, чернели лица рабочих, глубже западали глаза. Отсюда у них оставалась одна дорога - в могилу: больше двух-трех лет не выживали даже самые крепкие люди.

Каторжный труд на хозяина надрывал силы рабочих, темнота слепила их, медленно росло сопротивление. Тяжело переживая смерть каждого товарища, рабочие злобно грозят хозяину: "Погоди уж ты!"

Очерк "Обреченные" - это действительно "зарисовка с натуры", потому что автор его на себе испытал адские условия каторжного труда на свинцово-белильном заводе в Ярославле. Это был живой человеческий документ. Очерк Гиляровского появился в "Русских ведомостях" в то время, когда общественность России занимал вопрос о развитии капитализма в стране, когда народники, типа Н. К. Михайловского, не хотели замечать русского пролетариата и его жалкого существования. Глеб Успенский видел, что до "Обреченных" никто еще так смело не говорил о пролетариях, не показывал его бедствий и эксплуатации.

Когда Владимир Гиляровский впервые после долгих скитаний приехал в Вологду в 1878 году, отец, поощрявший занятия сына литературой, преподнес ему подарок. Это была книжечка, вышедшая в Вологде еще в 1873 году, а в ней гимназическое стихотворение Гиляровского "Листок", напечатанное его учителем Прохницким. "Это еще больше, - вспоминает Гиляровский, - зажгло во мне уверенность писать..." Но в новых скитаниях и мытарствах не было времени посвятить себя литературе, поэтому вплоть до 1881 года создать что-нибудь значительное не удавалось. Лишь изредка, от случая к случаю, выходили из-под его пера небольшие стихотворения, песни, остроумные эпиграммы, но и они писались "для себя" и нигде не печатались.

Как-то в театре, где служил Гиляровский, появился редактор "Будильника" Н. П. Кичеев, и Андреев-Бурлак заставил своего друга прочесть ему только что написанные стихи о Волге. Стихи понравились, и 30 августа 1881 года Гиляровский, жадно вдыхая запах свежей типографской краски, читал свои строки:

"Все-то мне грезится Волга широкая..."

Осенью этого же года, воодушевленный первыми успехами, он "окончательно бросил сцену и отдался литературе". Сначала печатал всякую мелочь в "Русской газете", а потом перешел на постоянную работу в "Московский листок", где и проходил суровую репортерскую школу. Работа в этой газете требовала большой энергии, выносливости, смелости и находчивости. "Трудный был этот год, год моей первой ученической работы, - рассказывает Гиляровский. - На мне лежала обязанность вести хронику происшествий, - должен знать все, что случилось в городе и окрестностях, и не прозевать ни одного убийства, ни одного большого пожара или крушения поезда".

И Гиляровский, обгоняя извозчиков, носился по Москве с убийства на разбой, с пожара на крушение, лазил по крышам вместе с пожарниками, проникал в притоны, трущобы, сидел в трактирах, бродил по ярмаркам, во все вглядываясь, ко всему прислушиваясь, и всегда был в курсе городских новостей. Вскоре Гиляровский приобрел огромную популярность, стал, по общему признанию, "королем репортеров".

В 1882 году "Московский листок" напечатал его корреспонденции из Орехова-Зуева о громадном пожаре на фабрике Морозовых, во время которого пострадали сотни рабочих и члены их семей. Хозяева и полиция тщательно скрывали причины пожара, но Гиляровский, переодевшись в рваный пиджачишко, в стоптанные сапоги, проник на фабрику, под видом рабочего толкался в очередях по найму, в пивных и трактирах и выяснил истинную причину трагедии - отсутствие элементарных жилищных условий в рабочих казармах. Его корреспонденции в "Московском листке" об этих событиях вызвали брожение среди рабочих. Перепуганные фабриканты жаловались на газету генерал-губернатору. Тот приказал арестовать и выслать автора корреспонденции. Издателю с большим трудом удалось скрыть имя "своего человека", наделавшего столько шуму и доставившего большие неприятности фабрикантам.

Вскоре после этих событий, оказавшись в компании с управляющим Московско-Курской железной дорогой, Гиляровский случайно узнал о большом крушении под Орлом, ставшим вскоре известным благодаря его корреспонденциям под именем Кукуевской железнодорожной катастрофы. Ночью страшным ливнем была размыта насыпь, образовалась громадная пещера, в которую вместе с людьми рухнул почти весь поезд. Грязь засосала трупы людей и обломки разбитого состава.

Все это держалось в строгом секрете, корреспонденты к месту события не допускались, но Гиляровский незамеченным проник в специальный поезд, в котором ехало на расследование железнодорожное начальство, и "Московский листок" был единственной газетой, впервые известившей своих читателей о трагических событиях, стоивших жизни сотням людей.

В это же время, расширяя круг своих литературных интересов и знакомств, Гиляровский печатался в "Русской мысли", сотрудничал в юмористических изданиях ("Осколки", "Будильник", "Развлечение").